

Н. Н. Лётина

Теоретико-методологические основания изучения проблемы «рубежности» как культурфилософского концепта

Работа выполнена по гранту РГНФ № 12–03–00137

В статье обоснованы теоретико-методологические принципы изучения философского и культурологического концепта «рубежности».

Ключевые слова: культурфилософский дискурс, концепты русской культуры, рубеж, рубежность, российский культурный опыт рубежей.

N. N. Liotina

Theoretic and Methodological Bases of Studying the Problem "Boundariness" as a Cultural-Philosophic Concept

In the article theoretic and methodological principles to study a philosophical and culturological concept "boundariness" are proved.

Keywords: cultural-philosophic discourse, concepts of the Russian culture, boundary, boundariness, Russian cultural experience of boundaries.

Российский культурный опыт не перестает вызывать стремление постичь его глубинные и часто парадоксальные основания, осмыслить его имманентную противоречивым историко-культурным процессам природу. Для культурфилософского дискурса современной российской гуманитарной науки раскрытие сущностных признаков и выявление концептов русской культуры – по-прежнему актуальная проблема. Важный подход к ее разрешению – выявление специфики отечественной культуры в ее доминантных проявлениях, каким и является, на наш взгляд, культурный опыт рубежей.

«Рубеж» – одна из доминант русской культуры на протяжении всего времени ее существования. «Рубеж» – исследовательский ракурс, позволяющий соотнести российский культурный опыт XVIII–XX вв. со специфической культурной парадигмой.

В современном научном гуманитарном тезаурусе употребление слова «*рубеж*» – явление обыденное. Обыденное настолько, что, приобретя право быть специальным термином, «рубеж» не имеет четкой дефиниции ни в философии, ни в истории, ни в культурологии. Чаще всего «рубеж» используется в своем буквальном значе-

нии – как граница, предел, допустимая норма, а также как составная часть словосочетаний, в которых он уточняет временные или пространственные рамки («рубеж эпох», «рубеж веков», «за рубежом»). Однако «рубеж», отделяющий «одно» от «другого» и в то же время реализующий связь «того» и «другого», становится понятием, синонимичным понятию «граница», которая в философском дискурсе есть «начало или конец всякого определенного бытия; межа, отделяющая нечто от иного; место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно сосуществующих предметов» [1].

Граница как рубеж в философской традиции, нашедшей подтверждение в геополитической практике установления государственных границ, мыслится, в основном, линейно – как линия, отделяющая одного от другого. «Граница есть то, в чем ограничиваемые в той же мере суть, в какой и не суть...», – пишет Г. Гегель [2]. В своей привычной графической линейной составляющей граница имеет не только конкретное функциональное предназначение – отделять, но и особую метафизическую ценность, коррелирующую с идеями пути, перехода, преодоления. Это тем более показательно, что практически во всех ми-

фологических системах с развитой картиной мира пространственная граница эксплицирована в как минимум дву-, но чаще трехмерных образах – Мировой реки, Мирового древа, Мировой горы. До середины XIX в. граница в своей сущности и целостности практически не привлекала внимания исследователей, поскольку гораздо больший интерес вызывали результаты перехода через нее. Исследователи переходных состояний Г. Зиммель, Г. Кайзерлинг, Ф. Конечны, Р. Мертон, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Парк, П. А. Сорокин, А. Тойнби, Й. Хёйзинга, О. Шпенглер, А. Швейцер, К. Ясперс, в отечественной традиции А. С. Ахиезер, Н. А. Бердяев, И. В. Бестужев-Лада, В. В. Розанов, В. Б. Земсков, Т. С. Злотникова, В. В. Ильин, М. С. Каган, С. А. Кравченко, И. В. Кондаков, Т. Л. Кузнецова, Т. Ф. Кузнецова, А. Ф. Лосев, Д. В. Сарабьянов, П. А. Сорокин, Г. Ю. Стернин, А. Я. Флиер, П. А. Флоренский, Н. А. Хренов привлекли внимание к пограничному, рубежному как предмету целенаправленного осмысления.

Переход через границу (и фактический, и мыслимый), на наш взгляд, в большей мере связан с онтологическим переходом от реального или осознаваемого таковым «своего» бытия к «чужому» бытию, в то время как преодоление рубежа может не носить онтологического характера, а являться движением от прежнего (или одного) «своего» к новому (или другому) «осваиваемому» своему. То есть для понятия «граница» бинарная оппозиция «свое» – «чужое» является определяющей, поскольку «свое» принципиально отграничивается от «чужого». «Рубеж» представляется нам понятием, мыслимым не только в бинарной логике противопоставления или противостояния, но и в логике целостности, последовательности (как результата) или в логике единения, универсализации (как процесса).

Исходя из научной традиции, придающей понятию границы значение «рубежного», переходного объема и состояния, опираясь на геополитическую традицию относить к государственным «рубежам» некую «приграничную зону», а также на мифотворческую практику включения в образ «рубежа» и некоего «ореола», мы полагаем «рубеж» понятием, синонимичным «границе», и в то же время отличным от нее.

Семантически «рубеж» близок не только «границе», но и «грани». «Грань», будучи однокоренным «границе» словом, означая линию перехода одной «стороны» в другую, фиксирует рубежный характер «встречи» двух сторон.

«Грань» близка «рубежу» и своим количественным планом – граней у одного явления может быть множество. В этом плане в отечественном научном гуманитарном пространстве показательны идеи и само название сборника «На гранях логики культуры», выпущенного В. С. Библером [3].

«Рубеж» семантически совпадает с границей в значении *начала или конца самостоятельного бытия, а также в значении линии размежевания и препятствия*. Г. Гегель в отношении границы писал, что она не пустое пространство и не чистое бытие, а синтетическое содержание. Именно здесь мы видим важное отличие традиционного философского понятия «границы» от еще только формирующегося культурфилософского понятия «рубежа». Безусловно, содержание «рубежа» синтетично по своей природе, но, в отличие от гегелевского понимания границы, допускает синтез не только содержания «встречающихся» эпох, пространств, состояний, но имманентно «присваивает» этот синтез, становящийся содержанием культурного опыта рубежей. Поэтому мы полагаем, что в культурном опыте «рубеж» – это *самостоятельное бытие (универсум), в котором происходит встреча иных самостоятельных, часто локальных (по месту в пространстве) и преходящих (во времени) экзистенций*.

В данном статусе «рубеж» обладает определенными качествами – переходностью, кризисностью, пограничностью, нестабильностью, нечетливостью, подвижностью. Их комплекс определяет имманентное для «рубежа» *состояние*, которое мы предлагаем называть *«рубежным»*. Для обозначения частного проявления рубежа как конкретного *свойства* или *качества* мы используем понятие *«рубежность»*.

Рубеж может носить как условный (культурный опыт субъективно мыслимых рубежей), так и конкретный (культурный опыт рубежа XVIII–XIX вв. в России, опыт рубежа в творчестве конкретного автора) *характер*.

Генетически достаточно размыто интерпретируемое на рубеже XX–XXI вв. понятие «рубежа», на наш взгляд, своим истоком имеет представление об изначальной дискретности мира (Демокрит, Платон, Спиноза, Лейбниц, Гегель), составные элементы которого, обладая самостоятельным бытием, обладают и таким качеством, как ограниченность, конечность. Дискретность мироздания в культурном опыте воспринимается как зло (христианский символизм, романтизм, символизм), а целостность, синкретизм, синтез

становятся значимыми целями культурного творчества.

В таком контексте «рубеж» приобретает парадоксальную *ценность* преходящего и в то же время – актуального, значимого в своей самостоятельности состояния.

Природа рубежа также неоднородна. Она может быть как имманентна определенному культурному опыту, так и явиться результатом позднейшей интерпретации или интеллектуально-художественного продуцирования.

Мы различаем отдельные *виды рубежей* в культурном опыте. Экстраполируя бинарный подход Д. В. Пивоварова к типологии феномена «границы», мы выделяем пространственные и временные, внешние и внутренние, качественные и количественные, существенные и несущественные, постоянные и изменчивые, преодолимые и непреодолимые. Актуальным для культурологического тезауруса является выражение «*рубеж культур*». Однако в отечественной культурологической мысли его нередко локализуют дихотомией сельской и городской культур. При этом в активном научном употреблении «рубеж культур» может означать и рубеж видов, типов, форм, уровней, компонентов культуры.

В процессе изучения российского культурного опыта рубежей мы установили необходимость проакцентировать культурфилософский подход к понятию и феномену рубежей. Здесь, с одной стороны, были задействованы вопросы о генезисе, первопричинах рубежного опыта и самого феномена рубежа, осмысленные в научном, преимущественно гуманитарном знании. В философии он может быть сформулирован как вопрос о рубеже бытия и небытия, в социологии – как проявление социальной маргинальности, в социальной психологии – как проблема гендерной идентичности или самоидентификации. В интегративном культурфилософском научном поле данная проблема может быть осмыслена в двух ключевых направлениях: в поисках синтезирующей методологии, во-первых; в постижении рубежа в культурном опыте в качестве рубежа культурных парадигм, во-вторых.

В этом проблемном «рубежном» поле для нас принципиальным ракурсом является второй: мы предлагаем выделить и исследовать *рубежи культурных парадигм*: пространственно-временных, философско-эстетических, социокультурных, нравственно-психологических.

При анализе рубежей пространственно-временных культурных парадигм мы опираемся

на существующую научную традицию исторических периодизаций и опыт пространственных классификаций при исследовании картины мира мифокритики, философии, культурологии.

Полагаем, что первым в культурном опыте случаем фиксации рубежа временных парадигм был известный диалог, записанный в Ветхом Завете: «Сторож! сколько ночи? ... Приближается утро, но еще ночь» (Ис. 21: 11,12). Эта рубежность ночи и дня, безусловно, имеет глубинный символический смысл и соотносится не только с бытовым движением времени, но и с пограничным состоянием между тайной и знанием, мраком и светом, вопросом и ответом, хаосом и гармонией, ожиданием и действием... Но главное здесь – та неопределенность, когда смена качеств, состояний мира, истории и человека уже происходит, но еще не завершилась.

В научном дискурсе для обозначения подобной ситуации мы обнаружили особый терминологический ряд.

Первое понятие – «рубеж эпох». В его дефиниции мы идем традиционным путем, признающим сочетание смыслов понятий «рубеж» и «эпоха». С первым термином и его семантическими доминантами мы определились выше. Для обозначения смысла понятия «эпоха» актуальным остается его трактовка в философской, исторической и культурологической традициях, исходящих из античной философской интерпретации (с греч. *epoche* – букв. остановка) эпохи как временной точки, с которой начинается новое развитие, или определенный отрезок времени. При этом в гуманитарном знании укрепилась интерпретация «эпохи» в качестве глобального отрезка времени, намечающего контуры «великих» [4] периодов протекания человеческой истории.

Рубеж эпох в таком случае – «встреча» двух или более эпох в некоей кризисной точке (временной, пространственной, культурной, антропологической, метафизической). Понятие встречи в данном случае используется нами в том значении, которое придавал диалогу В. В. Библер, однако количество «встречающихся» не лимитируется нами дуальной схемой. Итоги этой встречи различны – возможно как новое развитие (европейский Ренессанс), так и конец пути (Древние царства Востока), – но всегда охватывают глубинные сферы культуры.

При этом в использовании термина «эпоха» намечается разделение эпох на цивилизационно-исторические и историко-культурные. И если первый принцип типологизации «эпох» истории

нашел воплощение в традиционной исторической периодизации, то второй носит проблемный и условный характер, обозначая «отрезки» целостного, аутентичного и не всегда продолжительного во времени существования культурных явлений. В частности, конец XVIII – начало XIX в. в России является рубежом историко-культурной эпохи Просвещения (XVIII в.) и историко-культурной эпохи романтизма (первая треть XIX в.), тем не менее, находясь внутри цивилизационной эпохи Нового времени. А конец XIX – начало XX в., являясь, по мысли отечественных историков искусства и культуры (В. В. Виноградов, А. А. Генис, И. А. Едошина, Е. А. Ермолин, Т. С. Злотникова, М. Лифшиц, В. И. Максимов, Д. А. Ольшанский, В. А. Сарычев, Д. В. Сарабьянов, Г. Ю. Стернин), встречей историко-культурных эпох реализма и модернизма, в то же время оказывается концом цивилизационной эпохи Нового времени и началом эпохи Новейшего времени.

Востребованным в культурфилософском дискурсе является и выражение «переходная (культурная) эпоха», восходящее в отечественной традиции к выделяемому М. С. Каганом переходному типу культуры. В целом понятие «переходной эпохи» сформировано в работах А. Тойнби, О. Шпенглера, Й. Хейзинги, А. Ф. Лосева, К. Ясперса. Последующие исследователи не вносили значительных специфических интерпретаций в понятие, которым принято называть «такой фрагмент культурно-исторического процесса, когда наличная культурная реальность уже вышла за границы прежнего качественно определенного культурного состояния (типа культуры), но не достигла еще характеристики целостности нового типа, нового системного уровня, определенности и самоидентичности нового качества» [5]. Здесь акцентируется самостоятельная значимость и целостность внутренне сложного и пролонгированного во времени переходного, рубежного состояния культуры.

Во многом сходным по значению с понятием «рубеж эпох», хотя и не тождественным ему, является понятие рубежа (смены) циклов – истории (А. С. Ахиезер), культуры (П. А. Сорокин, Н. А. Хренов).

Определенного рода аналогом понятию «рубеж эпох» для обозначения, как нам представляется, менее глобальных по своей временной протяженности и значению периодов, является понятие «рубеж веков». Прежде чем зафиксировать значение этого понятия, необходимо указать на

почти символическую многозначность слова «век».

В описании логики истории слово «век» в наиболее отчетливом виде мы встречаем у Гесиода, мыслившего ход истории как смену веков – золотого, серебряного, медного, века героев и железного. В его интерпретации слово «век», обозначая метафизическое качество жизни в сменяющие друг друга отрезки времени, имеет явную метафорическую и мистическую окраску. Усиливает мистические коннотации и IV эклога Вергилия, пророчащего рождение младенца, который спасет мир. «Новый век», который ждет впереди, казалось бы, вполне светски ориентированных Ф. Петрарку и его современников, напрямую связан с «новой жизнью», один из путей к которой – через любовь и творчество – чуть раньше раскрыл Данте Алигьери, и аллегорически соотносится с идеей спасения – обновленным «новым заветом».

М. Блок отмечал, что в использовании слова «век» человек XX в. математичен; мы называем века не «по герою», не «по качеству», не по мистическому настрою, а нумеруем по порядку. Буквальное научное значение уже не слова, а термина «век» – столетие. Исходя из такого значения, можно было бы предположить, что рубеж веков – это последний год (или несколько лет) предшествующего века и первый год (или несколько) начинающегося. Но тот же М. Блок справедливо замечает, что в истории нет закона, по которому конец столетия совпал бы с критическими точками эволюции человечества. Закончился ли XIX век в 1870–71 гг., 1890-е, начался ли XX век в 1905, 1913–14 или 1917 г.? Здесь возникает потребность подбора определения к термину «век». Какой именно век? Художественный, социальный, политический, коммунистический, век модернизма? Каждый раз «критическая точка» должна определяться индивидуально.

«Культурный век» – многогранное явление, его целостность инспирирована, прежде всего, имманентным для определенного отрезка времени ментальным комплексом. Но иногда ментальность не является определяющей, и требуются дополнительные основания – например, комплекс культурных парадигм. В частности, «культурный» XIX в. сочетает в себе религиозный менталитет (доминирует в первой половине века) и позитивистскую ментальность (доминирует во второй половине века). Такая двойственность подкрепляется динамикой художественных культурных парадигм – от романтизма к реализму,

гносеологических парадигм – от иррационализма к рационализму. В силу данных факторов легче всего предположить, что XIX в. «распадается» на два культурных века. Но в конце XIX столетия важным фактором ментальности станет актуализация религиозности, в художественной сфере будут значимы неоромантические тенденции. На наш взгляд, XIX в. обнаружит резкое ускорение социокультурных процессов и окажется для Европы в целом и России в частности веком начавшегося перманентного кризиса культуры.

Следовательно, одной из основных проблем при апелляции к термину «век» является немаловажный вопрос календарной границы – предела, рубежа, конца и начала... При этом в науке «рубеж веков» воспринимается главным образом как хронологическая дефиниция. В данном качестве нам представляется убедительным понимание рубежа веков И. А. Едошиной как «встречи» двух столетий, «когда открывается исчерпанность содержания и форм предыдущей культуры. Уходящий век осмысливается как чуждый вновь пришедшему и подвергается критике, подчас полному отрицанию и осмеянию. Во всех других случаях конец – начало веков отмечается всего лишь появлением некоторых оттенков ментальности той или иной эпохи» [6].

Для выявления *рубежей пространственных культурных парадигм* значима вся палитра культурного мировоззренческого и научного опыта по осмыслению и продуцированию картины мира.

Целостность картины мира в мифологическом, религиозном, художественном, философском мировоззрении и метафизике практически всегда обеспечивается единым принципом мироустройства (Ось мира, Мировая гора, Мировое древо, Мироздание) или неким единым началом, из которого мир словно разворачивается (Сакрум, Творец или творческая личность).

Пространственный аспект картины мира, как установлено в мифокритике и метафизике, обычно структурируется качественно и иерархически: вертикально в сакральной проекции (например, Аид – подземный загробный мир, земля – человеческое пространство, Олимп – священная гора, – Сакрум) и горизонтально в профанной проекции (оппозиции верх – низ, свое – чужое, освоенное – неосвоенное, близкое к Сакруму – удаленное).

Важным для рубежных эпох аспектом структуризации картины мира является также принцип многомирия (Платон, неоплатоники, немецкие романтики, русские символисты), объединяющий

несколько самостоятельных миров («этот» и «иные»), но также находящихся друг с другом во взаимосвязи.

При этом, с одной стороны, значимый нюанс осмысления или продуцирования пространственной картины мира – их объективный (условно – научная картина мира) или субъективный (Фихте, романтики, символисты) характер, с другой, принципы пространственной структуризации универсальны, архетипичны независимо от происхождения.

Важной составляющей культурного опыта рубежей является и научная картина мира, верифицируемое внедрение которой в представления о мире в России рубежа XIX–XX вв. продемонстрировали В. С. Степин и Л. Ф. Кузнецова [7]. В научной картине мира осуществлена попытка достичь рационального истинного знания о действительности, точнее о той «части» мироздания, которая доступна научному исследованию.

Так, границы и «пограничные зоны» компонентов, «частей» пространственной картины (картин) мира – от Вселенной до конкретного локуса, актуальных для культурного опыта рубежей России (XVIII – начало XX в.), и составляют рубежи пространственных культурных парадигм. Они могут быть представлены рационализированными бинарными оппозициями – «встречами» иных миров и этого мира (метафизический уровень), мира и России, Европы и России (геополитический уровень), столицы и провинции (географический уровень). Но рубежи пространственных парадигм вполне могут иметь и синтетический характер, в частности, когда провинциальный город Ярославль в творчестве провинциального поэта М. Богдановича оказывается наделенным качествами метафизического города – символа человеческой цивилизации и одновременно ее гибели.

При исследовании *рубежей философско-эстетических парадигм* под последними мы понимаем творческие методы, художественные стили, художественные направления, художественные школы. Проблемное поле рубежей *социально-культурных парадигм* может быть представлено, в частности, рубежами *гендерных парадигм* маскулинности и феминности. Рубежи нравственно-психологических парадигм связаны с осмыслением процесса *интериоризации* культурного опыта рубежей и ее результатами в судьбах и творчестве конкретных персон.

В современном научном дискурсе также актуальна в целом обоснованная традиция рассмат-

ривать «рубеж» и «кризис» как синонимичные понятия [8]. Тем не менее, «кризис», являясь доминантой «рубежа», не исчерпывает до конца сути последнего. Существует соблазн рассматривать «рубеж» и как понятие, тождественное понятию «конца», особенно при обращении к русской культуре рубежа XIX–XX гг., проникнутой апокалипсическими настроениями, где рубеж веков, действительно, совпадает в рефлексиях современников и оценках исследователей с концом эпохи Нового времени, с концом императорской России. Тем не менее, «конец», гибель определенной культурной парадигмы – лишь один из возможных вариантов окончания «рубежа». Существуют и другие, менее радикальные, например, преодоление, трансформация, преобразование, обновление...

Подводя краткий итог приведенных выше теоретико-методологических позиций, можно высказать сложившийся в ходе изучения обозначенного проблемного поля вывод. Опыт рубежей – значимая культурфилософская проблема, разрешаемая посредством интеграции различных парадигм гуманитарного знания. Рубеж для нас – время, место и состояние встречи различных интенций, явлений, процессов в культуре, а значит, и в человеке, результатом которой является опыт обновления, развития или гибели. Феноменология рубежности – специфический универсум русской культуры, парадоксально целостный и ценный своей вариативностью, что требует типологизации его в культурфилософской категории «культурный опыт рубежей». Последнее выражение мы употребляем для обозначения опыта рубежности, как в его целостности, так и в различных аспектах и уровнях его проявления в культуре (биографический, личностный, психологический, интеллектуальный, нравственный, духовный, политический, исторический, социальный, онтологический, метафизический). Носителями опыта «рубежности» являются субъекты русской культуры (от личности до сообщества) и феномены русской культуры (от произведения до культурного процесса), обладающие верифицируемыми имманентными качествами «рубежности» или воспринятые как таковые другими субъектами культуры.

Примечания

1. Современный философский словарь [Текст] / под общ. ред. д. ф. н., профессора В. Е. Кемерова. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, М., Минск : ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с. – С. 213.
2. Гегель, Г. Наука логики [Текст] / Г. Гегель : в 3 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1970. – 452 с. – С. 237.
3. Библер, В. С. На гранях логики культуры: Книга избранных очерков [Текст] / В. С. Библер. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.
4. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка [Электронный ресурс]. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1986. – 254 с. – Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000028/index.shtml>, свободный. Проверено 24.06.2012.
5. Яковлева, Т. А. Культура и культурология в хронотопе переходности [Текст] / дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Т. А. Яковлева. – Челябинск, 2004 – 192 с. – РГБ ОД, 61:04–24/92. – С. 4.
6. Едошина, И. А. Культурология. Основные понятия [Текст] / И. А. Едошина, В. А. Бондарев. – Кострома : КГУ, 2005. – 52 с.
7. Степин, В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации [Текст] / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – М.: ИФ РАН, 1994. – 274 с.
8. Дудник, С. И. Кризис культуры в контексте современных дискуссий и оценок [Текст] / С. И. Дудник // Парадигмы исторического мышления XX в.: очерки по современной философии культуры. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 128–136; Злотникова, Т. С. Человек. Хронотоп. Культура [Текст] / Т. С. Злотникова. – Ярославль: Александр Рутман, 2003. – 172 с.; Сапрыкин, В. А. Кризис буржуазной культуры XX века: проблема выбора человечества / В. А. Сапрыкин [Электронный ресурс] / Сапрыкин, В. А. Кризис буржуазной культуры XX века: проблемы выбора человечества. – М.: МИЭМ, 2002. – Режим доступа: http://avt.miem.edu.ru/Kafedra/KT/Publik/posob_10_kt.html, свободный. Проверено 17.06.2012; Сидорина, Т. Ю. Философия кризиса. Понятие культуры. Культурология и философия культуры / Т. Ю. Сидорина [Текст] // Сидорина, Т. Ю. Философия кризиса: учебное пособие / Т. Ю. Сидорина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. – 449 с.